

Михаил Матусовский как переводчик

Зайцева И.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Михаил Львович Матусовский широко известен прежде всего как автор слов к популярным песням, в то же время практически не изученными остаются иные аспекты его творчества — в частности, стихотворные переводы с нескольких языков; их малоизученностью определяется актуальность заявленной темы.

Цель данного исследования — сопоставление одного из стихотворных переводов М.Л. Матусовского с оригиналом в аспекте выявления средств и способов адекватной передачи композиционно-образного содержания художественного текста.

Материал и методы. *Материалом послужили выполненные М. Матусовским переводы поэтических произведений одного из его современников — украинского поэта Александра Гаврилюка. К основным методам исследования относятся композиционный и лингвостилистический методы, контекстуального анализа и сопоставительный.*

Результаты и их обсуждение. *Проведённые наблюдения подтвердили гипотезу о том, что при переводе поэтического произведения приоритетным для переводчика является передача заключённого в тексте образно-ценностного смысла, а также особенностей индивидуально-авторской манеры. Способность переводчика воспроизвести отмеченные свойства средствами иного языка, которая в полной степени продемонстрирована М. Матусовским, свидетельствует о его переводческом таланте.*

Заключение. *Сопоставительный анализ оригинального и переводного вариантов стихотворения А. Гаврилюка «Непредбачений епілог» позволяет сделать вывод о безусловном переводческом таланте М.Л. Матусовского, стремящегося максимально сохранить не только композиционные и образные особенности переводимого произведения, но и присущие тексту индивидуально-авторские черты.*

Ключевые слова: *М.Л. Матусовский, А. Гаврилюк, лирическое произведение, поэтический перевод, композиция, образная система, индивидуально-авторская манера.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 38–42)

Mikhail Matusovsky as a Translator

Zaitseva I.P.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Mikhail Lvovich Matusovsky is widely known primarily as the author of lyrics to popular songs, while other aspects of his work remain virtually unexplored, in particular, poetic translations from several languages; their poor study determines the relevance of the stated topic.

The purpose of the study is to compare one of M.L. Matusovsky's poetic translations with the original in terms of identifying the means and methods of adequately conveying the compositional and figurative content of an artistic text.

Material and methods. *The material was the translations of poetry by one of his contemporaries, Ukrainian poet Alexander Gavrilyuk, made by M. Matusovsky. The main research methods include compositional and linguostylistic methods, contextual analysis and the comparative method.*

Findings and their discussion. *The observations confirmed the hypothesis that when translating a poetic work, the priority for the translator is to convey the figurative and value meaning contained in the text, as well as the features of the individual author's manner. The translator's ability to reproduce the noted properties by means of another language, which was fully demonstrated by M. Matusovsky, testifies to his talent as a translator.*

Conclusion. *A comparative analysis of the original and translated versions of A. Gavrilyuk's poem "The Unpredictable Epilogue" allows us to conclude that M.L. Matusovsky has an unconditional talent for translation, striving to maximally preserve not only the compositional and figurative features of the translated work, but also the individual-authorial features inherent in the text.*

Key words: *M.L. Matusovsky, A. Gavrilyuk, lyrical work, poetic translation, composition, figurative system, individual-authorial manner.*

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 38–42)

*Переводчик в прозе есть раб,
переводчик в стихах соперник.*
В.А. Жуковский

В июле нынешнего — 2025 — года было отмечено 110-летие со дня рождения Михаила Львовича Матусовского, который в настоящее время известен прежде всего как автор слов к песням, имевшим значительную популярность во второй половине XX столетия и отчасти сохранившим её и в современный период. Эти песни: «На безымянной высоте», «Берёзовый сок», «С чего начинается Родина?», «Летите, голуби, летите», «Белой акации гроздь душистые...» и другие — нередко звучат в дни разных торжественных событий (на выпускных школьных вечерах; при отмечании памятных дат, связанных с событиями Великой Отечественной войны и иных важных для государства событий). Современному читателю известно и поэтическое творчество М.Л. Матусовского, в литературном наследии которого не только лирические стихотворения, но и поэмы и баллады (хотя, безусловно, известность такого характера никак не может «соперничать» с известностью этого автора как поэта-песенника).

Однако М.Л. Матусовский, будучи весьма многогранной творческой личностью, оставил нам обширное наследие, многие ипостаси которого ещё предстоит исследовать. Это его деятельность как военного корреспондента, мемуариста-прозаика, сценариста документальных фильмов и — то, что в данном случае составит объект нашего исследования — **переводчика**. Именно малоизученностью стихотворных переводов М. Матусовского, корпус которых достаточно объёмен, определяется *актуальность* заявленной темы.

Цель в данном случае заключается в сопоставлении выполненного М.Л. Матусовским перевода стихотворного произведения с оригиналом в аспекте выявления степени сохранения переводчиком, с одной стороны, композиционно-образной структуры переводимого лирического текста, с другой — особенностей индивидуально-стилистической манеры автора-поэта.

Как уже отмечалось, переводческой деятельности М.Л. Матусовского исследователями до настоящего времени уделялось явно недостаточное внимание, о чём косвенно свидетельствуют и биографические справки об этом авторе в справочных изданиях, где о Матусовском-переводчике либо вообще не упоминается, либо упоминается крайне лаконично. Так, в одной из наиболее обширных справочных статей о творчестве М.Л. Матусовского, помещённой в библиографическом словаре «Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги» под редакцией Н.Н. Скатова, содержится следующая информация (примечательно, что именно эта информация, при всей её лаконичности, является наиболее полной характеристикой деятельности Матусовского-переводчика, которая имеется в существующих справочных изданиях): «МАТУСОВСКИЙ Михаил Львович [10(23).6.1915, Луганск — 16.7.1990, Москва] — поэт. ...

Он является автором *большого числа переводов* — антологии *украинской, казахской, туркменской, марийской поэзии*, особенно интересны переводы *Т. Шевченко, М. Бажана, С. Капутикян и С. Рустам-ма* (выделено нами. — *И.З.*) [1].

Приведённый фрагмент, несмотря на чрезвычайную его краткость, всё же позволяет создать представление о безусловной широте переводческих интересов М.Л. Матусовского, который оставил нам стихотворные переводы как с близкородственного русскому языку — *украинского*; так и с языков, неродственных родному для него русскому языку, диапазон которых впечатляет: это языки, относящиеся к разным ветвям тюркской группы — *казахский и туркменский*; выделяемый в индоевропейской семье в отдельную ветвь *армянский* язык; один из финно-угорских языков — *марийский*.

Материал и методы. Материалом для наблюдений в данном случае послужили оригинальный текст стихотворения украинского поэта Александра Гаврилюка (1911–1941) «Непередбачений епілог» и выполненный М.Л. Матусовским перевод этого произведения на русский язык под названием «Непредвиденный эпилог». К основным методам, используемым в ходе проведения исследования, принадлежат: композиционный и лингвостилистический методы, а также метод контекстуального анализа, с помощью которых выявлялись как композиционно-стилистические, так и образно-эстетические особенности и оригинального, и переводного вариантов анализируемого поэтического произведения; сопоставительный метод, который позволил установить сходства и отличия между рассматриваемыми лирическими произведениями, включая черты индивидуально-стилистической манеры как автора, так и переводчика.

Результаты и их обсуждение. Луганский край, где М.Л. Матусовский родился и в значительной степени сформировался как личность, о чём он сам не раз, как правило, в образной форме упоминал в своих произведениях, представляет собой очевидно *поликультурный* и, соответственно, *многоязычный* регион. Однако преобладающими в общении жителей этого края на протяжении всего времени его существования были *два* взаимодействующих *восточнославянских* языка, две лингвокультуры: ведущее место в данном объединении принадлежит лингвокультуре *русской*, но при этом весьма ощутимым, хотя и в разной степени в различные периоды, было и влияние лингвокультуры *украинской*.

М.Л. Матусовский, родным языком которого является русский, всегда был открыт для влияния украинской лингвокультуры как дополняющей, образно конкретизирующей и т.п. родную для него русскую лингвокультуру, свидетельства чего можно найти во многих его произведениях. Убедительно говорит об этом и внимание Матусовского-переводчика к поэзии классиков украинской литературы как XIX века (*Тарас Шевченко*), так и минувшего столетия (*Микола Бажан и Владимир Сосюра*).

Но Матусовский обращался и к переводу произведений тех украинских поэтов, имена которых —

по разным причинам — иногда практически не были замечены критиками и широко известны читателям, однако, с точки зрения переводчика, были, безусловно, достойны особого и читательского, и исследовательского внимания.

Именно к таким художникам слова принадлежит украинский поэт *Александр Гаврилюк*, недолгая жизнь которого трагически оборвалась в первый день Великой Отечественной войны — 22 июня 1941 года. При этом тридцатилетняя жизнь А. Гаврилюка была наполнена серьёзными испытаниями: он пережил не только пятимесячное тюремное заключение, но и пребывание дважды в концентрационном лагере «Берёза Картузская». В 1939 году поэт был освобождён из этого лагеря пришедшей в Западную Украину Красной Армией.

Творческое наследие Александра Гаврилюка включает литературно-художественные произведения (прозаические и стихотворные) и довольно обширную публицистику, в том числе и с явными элементами художественности, что, с нашей точки зрения, обуславливается бесспорным преобладанием в его мировосприятии *образного* компонента осмысления действительности.

Стихотворение, на которое Михаил Матусовский обратил внимание как переводчик — «Непредбачений епілог» (рус. «Непредвиденный эпилог»), датировано автором 1940 годом; в этом же году оно переведено М. Матусовским на русский язык.

Стихотворение явно автобиографично: в нём образно зафиксированы события, имевшие место в жизни автора. В соответствии с законами лирического жанра сюжетные перипетии приобретают в произведении обобщённый характер (см. об этом, свойственном лирическому произведению, качестве в работе Т.И. Сильман «Заметки о лирике» [2]), что позволяет читателю определённым образом сориентироваться и в особенностях социально-политического контекста, который сформировался на территории современной Западной Украины перед Великой Отечественной войной.

Перевод как таковой представляет собой процесс передачи устного или письменного текста, выражения или слова языковыми средствами одного языка на другой. Одним из непеременимых условий адекватности и, соответственно, качества перевода является установление *семантического* соответствия между единицами двух языков с целью максимально точной передачи содержащейся в письменных или устных высказываниях информации (сказанное относится прежде всего к высказываниям, принадлежащим к речевым регистрам, где преобладает информативная функция).

При этом в настоящее время уже абсолютно справедливым считается утверждение о том, что при переводе произведений художественной литературы, т.е. при осуществлении *художественного* перевода — «самым трудным и важным в переводе является *не лингвистический, а художественно-образный момент*, т.е. способность переводчика воссоздать образный мир произведения» (выделено нами. — И.З.) [3]. При переводе же *поэтических* произведений переводчик, помимо обозна-

ченной, сталкивается с дополнительными, «совершенно специфическими проблемами, ибо *форма выражения (ритм, размер, рифма и пр.) являются существенным фактором при передаче аудитории духа сообщения*» (выделено нами. — И.З.) [4]. Таким образом, при переложении художественного текста средствами другого языка необходимо обеспечить передачу не только содержащейся в переводимом тексте информации, но и максимально полное соответствие создаваемого текста оригинальному по форме, художественному замыслу и стилю автора, а также передачу на другой язык понятий и реалий, отсутствующих в жизни другого народа.

Представляется, что, выполняя перевод рассматриваемого стихотворения Александра Гаврилюка, М.Л. Матусовский стремился не только крайне бережно и деликатно отнестись к переложению стихотворного текста на близкородственный восточнославянский язык, проявляя при этом безусловный поэтический талант, но и *максимально учесть структурные и функциональные* особенности *обоих* языков.

Остановимся на более подробном рассмотрении перевода ключевых композиционных фрагментов лирического произведения, что, как представляется, проиллюстрирует высказанные положения.

Название любого текста — а тем более текста художественного поэтического — всегда является сильной для восприятия позицией, в значительной степени предопределяющей понимание смысла произведения в принципе (включая *эмоциональную* и *ценностную* составляющие). Название стихотворения А. Гаврилюка «*Непредбачений епілог*» (здесь и далее текст указанного произведения цитируется по изданию [5]) переводчиком Михаилом Матусовским сохранено абсолютно: звучащее по-русски заглавие «*Непредвиденный эпилог*» (здесь и далее текст переведённого М. Матусовским стихотворения А. Гаврилюка цитируется по изданию [6]) тождественно названию оригинального текста и в структурном, и в семантико-стилистическом отношении, что очевидно, если сравнить приводимые далее сведения из языка-источника и языка, на который переведено стихотворение:

I Оригинальный текст:

непредбачений — ‘якого не передбачали, не чекали, не сподівалися; несподіваний’ (с. 353); **епілог** — «1. Заключна частина літературного твору, в як й розповідається про подальшу долю героїв. 2. *перен., книжн.* Кінець, розв’язка чого-небудь» (с. 772) [7].

II Переводной текст:

«**Непредвиденный** ... Такой, который не предвидели, не предугадали; неожиданный» [8];

«**Эпилог** ... 1. В древнегреческой драме — заключительное обращение к зрителям, объяснявшее намерение автора или характер постановки. 2. Заключительная часть литературного произведения, содержащая обычно краткие сведения о дальнейшей участи его героев. 3. *Перен.* Конец, завершение чего-либо» [9].

В отношении композиционного оформления оригинального и переводного вариантов рассматриваемого

произведения необходимо отметить следующее. Стихотворный текст, не имеющий строфического деления в оригинале, переводчик делит на *четырёхстрочные* строфы — один из самых популярных вариантов строфического оформления лирического текста в русской поэзии. Возможно, это объясняется стремлением переводчика придать тексту «композиционную целостность, внутреннюю тематическую законченность и метрическое единство» [10], которая достигается при этом. Кроме того, представляется, что деление на строфы в данном случае существенно подчёркивает экспрессивность переводимого произведения, точнее — **эксплицирует** её, поскольку «являясь архитектурной художественной формой поэтического произведения, строфа играет исключительную роль в выразительности стиха и помогает в раскрытии внутреннего содержания стихотворения» [10] — ср., к примеру:

I Оригинальный текст:

Аж війна нахлинула бурхливо,
і пани заплутались в війну,
і тоді я слів своїх плетиво
під вербою в землю загорнув.
Хай пани помстяться, поки згинуть,
помста їх для мене не нова, —
заповів для жінки я й для сина
зберегти закопані слова.
Ви не сипте, любі, сліз наміста, —
крізь руїну пісню збережіть!
Хай уб'ють мене, та мого змісту
не уб'ють, — в слові буде жить!

II Переводной текст:

А когда война зловещей тенью
К нам пришла и принесла беду,
Я украдкой слов своих плетенье
Закопал под вербою в саду.

Пусть шумят паны, пока не сгинут,
Для меня их злоба не нова.
И тогда своей жене и сыну
Завещал сберечь я те слова.

«Вы не лейте слёз, — сказал я глухо, —
Я прошу вас песню сохранить.
Пусть меня убьют они, но духа,
Что остался в песне, не убить!»

Собственно текст произведения структурно-композиционно оформлен как **монолог** лирического героя, однако, как это обычно свойственно талантливым авторам, — монолог, отличающийся явным своеобразием. Формально стихотворение представляет монолог *обращённого* характера — его адресатом обозначено понятие **спів** (рус. ‘пение, запев’), придающее всему разворачивающемуся тексту выраженную антропоморфность: *Ти, затятий спів могого гніву, / отже, дожили ми, я і ти, / небувало у щасті дива, / тобі дзвінко по світу іти. / Ти твердий і волею крилатий, / поліцаями зацькований, мов звір*. Однако при этом

очевидно, что ответной реакции в данном случае быть не может: **спів** — абстрактное понятие, ценностно-образно осмысливаемое лирическим героем. Подобный характер введения в лирическую структуру этого понятия сразу же обеспечивает реализацию целой системы изобразительно-выразительных приёмов. Отмеченный принцип антропоморфизма воплощается в обширной системе тропов, во многих из которых **спів** представлен как *соратник, друг, собеседник* и т.п. лирического героя. Это **метафоры**: *дожили ми, я і ти, (небувало у щасті дива)*; <нам> *дзвінко по світу іти* и т.п.; **эпитеты**: *затятий спів могого гніву; ти <спів> твердий і волею крилатий* и т.п. — и **сравнения**: <спів> *поліцаями зацькований, мов звір* и т.п. Часть этих тропов взаимодействует друг с другом настолько тесно, что на их основе образуются тропы явно *синкретичного* характера — как, например, **сравнение, осложнённое эпитетом** (*сравнение / эпитет*), характеризующее ключевой образ оригинального произведения (**спів**): *ти ... поліцаями зацькований, мов звір*.

Примечательно, что Михаил Матусовский, всегда очень бережно относящийся к воплощённой в переводимом произведении образной системе, тем не менее считает возможным в переводном варианте в ряде случаев сосредоточить образные характеристики преимущественно на феномене *лирического субъекта* (в отличие от автора, который таким способом акцентирует образ *співу*); ср., к примеру:

I Оригинальный текст:

*Ти <спів>твердий і волею крилатий,
поліцаями зацькований, мов звір,
тільки, криючись, я міг писати,
і писав усім наперекір.*

II Переводной текст:

*Не терял я твёрдости и воли,
Загнанный, как зверь, в одну из нор,
Мог писать я только лишь в подполье,
Но писал — врагам наперекор* (везде выделено нами. — И.З.).

При этом оригинальность ценностно-образной системы оригинального произведения переводчик стремится сохранить максимально — достаточно проанализировать вербальные элементы конкретизации в тексте тех или иных образов; ср., например: (*спів*), *зацькований, мов звір* — (я), *загнанный, как зверь, в одну из нор* и т.п.

Заключительный фрагмент лирического произведения, как представляется, особенно отчётливо побуждает адресата *ретроспективно* осмыслить и всё изложенное ранее, и название стихотворения: для лирического героя завершение одного из его жизненных этапов оказалось неожиданно — **непредвиденно** — счастливым:

I Оригинальный текст:

Зустрічали нас щасливі люди,
хоч ми йшли, подібні до мари:
луснула Береза, — знали всюди,
— луснула, мов страхітний налив.

І з червоним другом-командиром
вийняв я з землі свої пісні
в день моєї здійсненої віри,
в осінь, що миліша від весни!
Ти бурлив хвилюючо юрбою,
морем стягів гордо майорів,
коли я зустрівся з тобою,
мій любий, вже свободний Львів.
Розмахніться ж ви, пісні, угору,
юні ви, в землі не зогнили,
але світу панського потвору
час могилою важкою привалив.
Ті пісні у панське серце злобне
я заб'ю, мов осиновий кіл,
щоб не важивсь упірем загробним
панський дух вилазити з могил.

II Переводной текст:

Люди улыбались нам сквозь слёзы.
Мы в толпе, как призраки, брели.
И когда настал конец Берёзы,
Я достал тетрадку из земли:

С командиром Армии Червонной
Песни мной на свет извлечены
В день моей надежды воплощённой,
В осень, что милей любой весны,

Ты бурлил взволнованной толпою,
Морем стягов и людских голов,
В час, когда я встретился с тобою,
Милый мой, освобождённый Львов.

Поднимайся, песня, на свободе!
Ты жива, ты долго будешь жить,
Чтоб прикончить панское отродье
И могильным камнем привалить.

Я во вражье сердце это слово
Будто кол осиновый всадил,
Чтоб не смел видением бывшего
Панский дух являться из могил.

Эмоциональное состояние счастья, испытываемое лирическим героем, который переживает эти минуты в единении с любимым городом, передано переводчиком максимально близко к оригинальному тексту, с сохранением всех привлечённых автором образных средств — ср.: *Ти бурлив хвилюючо юрбою, / морем стягів гордо майорів, / коли я зустрівся з тобою, / мій любий, вже свободний Львів* — рус. *Ты бурлил взволнованной толпою, / Морем стягов и людских голов, / В час, когда я встретился с тобою, / Милый мой, освобождённый Львов*.

С такой же степенью адекватности переведены заключительные — по определению являющиеся в тексте сильной позицией — строки стихотворения, где содержится призыв к песне (= слову), ставшей для лирического героя самым действенным оружием;

ср.: *Розмахніться ж ви, пісні, угору, / юні ви, в землі не зогнили, / але світу панського потвору / час могилою важкою привалив* — рус. *Поднимайся, песня, на свободе! / Ты жива, ты долго будешь жить, / Чтоб прикончить панское отродье / И могильным камнем привалить*.

Заключение. Таким образом, реализованные М. Матусовским в процессе перевода стихотворного произведения принципы позволили, помимо адекватной передачи смыслового наполнения текста, сохранить не только все его принципиально значимые образные характеристики, но и значительную часть тех особенностей поэтического текста, которые принадлежат к явно *индивидуально-авторским*, отражающим своеобразие мировидения и мироощущения художника слова.

Некоторые «отклонения» от авторского подхода в формировании образного каркаса лирической структуры, допускаемые переводчиком — в частности, выбор для образной конкретизации заложенного в стихотворении смысла иного характера, нежели у автора, реальный — с нашей точки зрения, осуществлены переводчиком в русле практически полного соответствия ценностно-образному содержанию оригинала. При этом крайне важным видится тот факт, что переводчиком почти абсолютно сохранены присущие оригинальному стихотворению индивидуально-стилистические черты.

Литература

1. Бикбулатова, К.Ф. Матусовский Михаил Львович / К.Ф. Бикбулатова // Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги: библиографический словарь: в 3 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); науч. ред. и сост. В.Н. Запелов [и др.]; под общ. ред. Н.Н. Скатова. — М.: ОЛМА-Пресс Инвест, 2005. — Т. 2: 3–О. — С. 542–544.
2. Сильман, Т.И. Заметки о лирике / Т.И. Сильман. — Л.: Сов. писатель. Ленинград. отд-ние, 1977. — 223 с.
3. Раренко, М.Б. Перевод / М.Б. Раренко // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. — М.: НПК «Интелвак», 2001. — Стб. 735.
4. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 143.
5. Гаврилюк, О. Вибране / О. Гаврилюк. — Київ: Державне видавництво художньої літератури, 1955. — 280 с.
6. Матусовский, М.Л. Непредвиденный эпилог / М.Л. Матусовский // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. — М.–Л.: Сов. писатель, 1965. — С. 122–124.
7. Великий тлумачний словник української мови (з дод. і допов.) / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. — К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. — 1728 с.
8. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. А.С. Герд. — Т. 12. Недруг–Няня. — М.–СПб.: Наука, 2009. — С. 172.
9. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.–Л.: Наука, 1965. — Т. XVII. Х–Я. — Стб. 1896–1897.
10. Квятковский, А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. — М.: Сов. энцикл., 1966. — С. 289.

Поступила в редакцию 07.10.2025